

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12722

EDN: PQEXZU

Бинарные оппозиции в рождественском рассказе

Л. Андреева «Ангелочек»

С. А. Скуридина¹✉, Е. О. Кузьминых², М. В. Новикова³

*Воронежский государственный технический университет
(г. Воронеж, Российская Федерация)*

e-mail: ¹ saskuridina@yandex.ru✉,

² eleshka-82@yandex.ru,

³ vladimarina.novak@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован важный для творчества Л. Андреева рассказ «Ангелочек», входящий в школьную программу, где его сюжет рассматривают в рамках сложившегося литературоведческого подхода к рождественскому рассказу. Большинство исследователей произведения отмечают изменения, произошедшие с мальчиком после встречи с ангелочком, и полагают, что рождественское чудо состоялось, положительно повлияв на жизнь Сашки. Авторами данной работы предложен иной подход к рассмотрению рассказа: выявлены бинарные оппозиции (живое/неживое, истина/ложь, настоящее/поддельное, свой/чужой, человек/зверь, земля/небо и др.), отражающие амбивалентность взгляда писателя на проблему; рассмотрены ономастические единицы, которые, будучи частью символического и автобиографического контекстов, дают возможность прояснить замысел произведения. Сюжет рассказа автобиографичен (ангелочек, однажды снятый будущим писателем с рождественской елки и положенный на печку, растаял), но главным героем становится мальчик из бедной семьи, отправляющийся на праздник к богатым покровителям Свечниковым. Пространство дома Свечниковых амбивалентно: для отца — это символ утерянного рая, а для сына — место обитания чертей, так как знаки Рождества, наполняющие дом, — подделка. Обретение человеческого через возрождение души — наиболее значимая тема рассказа, реализуемая посредством оппозиции «человек/зверь». Семья Сашки вписана в зооморфный код текста рассказа. Обладание ангелочком создает ощущение «человеческого счастья», следствием чего становится стирание звериного в образе мальчика. Однако воспоминание об отце, являющемся частью антидома, возвращает Сашке звериный облик. Оппозиция «живое/неживое» задает параметры судьбы Сашки, для которого «нежизнь» — единственный возможный выход из цикла бессмысленного существования. Надежда на возрождение души мальчика иллюзорна (оппозиция «настоящее/поддельное»). К концу произведения усиливаются мотивы тяжести и погружения в бездну: олицетворение спасения — растаявший ангелочек со стрекозиными крылышками — падает на пол по окончании Рождества. Символом подмены становится таракан, не имеющий способности летать. Иллюзорность надежд подтверждает

хронотоп рассказа. Рождество разрывает цикл существования и вводит мальчика в круг вечности, но бой часов возвращает героев на землю и ускоряет их биологическое время. Образ «зазябшего водовоза», появляющийся в финале рассказа, — символ возвращения цикличности в жизнь ребенка и знак того, что возрождение не состоялось.

Ключевые слова: Л. А. Андреев, Ангелочек, рождественский рассказ, бинарные оппозиции, зооморфизм, ономастикон, хронотоп

Для цитирования: Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Новикова М. В. Бинарные оппозиции в рождественском рассказе Л. Андреева «Ангелочек» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 124–144. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12722. EDN: PQEXZU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12722

EDN: PQEXZU

Binary Oppositions in Leonid Andreev's Christmas Story “Angelochek”

S. A. Skuridina ¹✉, E. O. Kuzminykh ², M. V. Novikova ³

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)*

e-mail: ¹ saskuridina@yandex.ru✉,

² eleshka-82@yandex.ru,

³ vladimarina.novak@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the story “Angelochek” (“The Little Angel”), which has an important place in the creative work of Leonid Andreev, and is included in the school curriculum, where its plot is considered within the framework of the established literary approach to the Christmas story. Most of the researchers note the changes that occurred to the boy after his meeting with the angel, and believe that the Christmas miracle did happen, positively affecting Sashka's life. The authors of this work propose a different approach to the story: binary oppositions (living-inanimate, truth-lie, real-fake, friend-alien, man-beast, earth-sky, etc.) are revealed, reflecting the ambivalence of the writer's view of the problem; onomastic units, which, being part of symbolic and autobiographical contexts, make it possible to clarify the intent of the work, are considered. The plot of the story is autobiographical (the angel, once removed by the future writer from the Christmas tree and placed on the stove, melts), but the main character is now a boy from a poor family who goes to celebrate the holiday to the rich patrons, the Svechnikovs. The space of the Svechnikov house is ambivalent: for the father it is a symbol of lost paradise, and for the son it is the habitat of devils, because the Christmas symbols filling the house are fake. Acquisition of humanity through the rebirth of the soul is the most significant theme of the story, realized through the “man-beast” opposition. Sashka's family is inscribed in the zoomorphic code of the text of the story.

Possessing the angel creates a feeling of “human happiness,” which results in the elimination of the animal element in the boy’s image. However, the memory of his father, who is part of the anti-house, brings Sashka’s animal appearance back. The “living-inanimate” opposition sets the parameters of Sashka’s fate, for whom “non-life” is the only possible way out of the cycle of meaningless existence. The hope for the rebirth of the boy’s soul is illusory (the opposition is “real-fake”). By the end of the story, the motifs of gravity and immersion in the abyss are intensified: the personification of salvation — a melted angel with dragonfly wings — falls to the floor at the end of Christmas. A cockroach that is unable to fly now becomes the symbol of substitution. The illusory nature of hopes is confirmed by the chronotope of the story. Christmas breaks the cycle of existence and introduces the boy to the circle of eternity, but the striking of the clock brings the heroes back to earth and accelerates their biological time. The image of the “frozen water carrier” in the story’s finale is a symbol of the return of cyclicity to the child’s life and a sign that the revival did not take place.

Keywords: Leonid Andreev, Angelochek, The Little Angel, Christmas story binary oppositions, zoomorphism, onomasticon, chronotope

For citation: Skuridina S. A., Kuzminykh E. O., Novikova M. V. Binary Oppositions in L. Andreev’s Christmas Story “Angelochek”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 124–144. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12722. EDN: PQEXZU (In Russ.)

Рассказ Л. Андреева «Ангелочек», написанный в 1899 г., является автобиографичным, о чем свидетельствуют воспоминания З. Н. Пацковской, родственницы писателя, которые приводит Н. Н. Фатов:

«Елка эта была у нас, и на верху был восковой ангелочек; Леонид все на него смотрел, потом взял его себе (моя мать ему его подарила), и когда лег спать, то положил его на горячую лежанку, и он, конечно, растаял. Было ему в это время лет 8. Но в рассказе кое-что переиначено. Там выводится мальчик из бедной семьи. Леониду же отец и мать делали обыкновенно свою роскошную елку»¹.

Исследователями поднимаются вопросы соответствия рассказа «Ангелочек» жанру рождественского рассказа ([Нестерова], [Барашков, Желобцова], [Кихней, Ларина] и др.), рассматриваются особенности образов персонажей ([Борзова], [Голованова], [Садовников] и др.), выявляются философские искания героев ([Ильин], [Маркова]). В настоящее время рассказ Л. Андреева входит в школьную программу, в связи с чем

¹ Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М.: Земля и фабрика, 1924. С. 212.

его проблематика обсуждается не только в научных, но и в методических статьях ([Трунцева, Евсякова], [Шарохина] и др.).

Предваряя анализ произведения Л. Андреева, укажем на особенности жанра рождественского рассказа, описанные в работе Т. Н. Козиной: *«идейное содержание* — преобразование человека, обращение его к Богу, "светлое рождественское чудо" [Есаулов: 52]; *цель произведения* — создать праздничное настроение, дать нравственный урок; *истоки жанра* — европейский рождественский рассказ; *время действия* — Рождественский Сочельник, Рождество; *непременные атрибуты* — ель, звезда, ясли, свечи, подарки; *принципы развития сюжета* — устремленность к чудесному событию (неожиданная помощь, обновление жизни, любовь действенная, традиции рождественской благотворительности); *исторические персонажи* — Богородица, Иосиф, Младенец, волхвы, пастухи, царь Ирод; *традиционные герои* — сиротка, семья; *поэтика* — молитвы, обращения к Богу, Богородице, святым; *введение малых фольклорных форм* — христославье» (см.: [Козина: 51]). Однако на рубеже веков происходят семантические сдвиги в рождественских рассказах, причина которых не в «усталости» жанра [Душечкина, Баран: 25], а «в духовном состоянии общества» [Козина: 11].

Семантическое пространство андреевского «Ангелочка» структурировано на основе реализации мифопоэтических бинарных оппозиций: *живое-неживое, истина-ложь, настоящее-поддельное, свой-чужой, человек-зверь, земля-небо, день-ночь, верх-низ* и др.

Одной из первых проявляется в рассказе оппозиция «живое-неживое». В начале рассказа Сашке «хотелось перестать делать то, что называется жизнью»², но «он не знал всех способов, какими люди перестают жить» (157). После получения героем ангелочка и возвращения от Свечниковых Л. Андреев, используя причастие настоящего времени *начинающего*, вселяет в читателя надежду на изменения в жизни Сашки («и рядом с глазами отжившего человека сверкали глаза начинающего жить» (166)). Однако в финале рассказа описывается «смелое личико человека,

² Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Рассказы 1898–1903 гг. С. 157. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках. Курсивные выделения в цитатах наши.

который еще только начинал жить» (168) — здесь глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени отсылает к началу рассказа, где используются глаголы в данной форме, то есть исчезает перспектива новой жизни, происходит возвращение к начальной точке, в которой Сашка тяготится своей жизнью. Ангелочек — это «то, чего не хватало в картине жизни [героя] и без чего кругом было так пусто, точно окружающие люди неживые» (162). Живые люди в рассказе предстают мертвыми, а восковый ангелочек — живым: «весь он казался живым и готовым улететь» (162). В образе ангелочка эксплицируются черты маленького ребенка: «Розовые ручки с изящно сделанными пальцами протягивались кверху, и за ними тянулась головка с такими же волосами, как у Коли» (162).

Еще одна оппозиция в основе текста андреевского рассказа — «человек-животное». При описании поступков Сашки Л. Андреев активно подключает зооморфные характеристики: надпись «Проси прощенья, щенок» (157) значителен под карикатурой, на которой изображена сцена его наказания матерью, встречающей сына фразой «Где полуночицаешь, щенок?» (158); когда «мать стала бить его, он укусил ее за палец» (157); периодически «углы губ его подергивались от желанья оскалить зубы» (159); в ожидании ангелочка, снимаемого с елки, «он судорожно стиснул зубы и, показалось, даже скрипнул ими» (164). В эпизоде с ружьем и маленьким Колей в зооморфный код текста рассказа вписывает героя и сам автор, называя его волчонком: «Волчонок взвел пружину...» (160), — как будто уточняет, что за щенок Сашка — детеныш домашнего животного, собаки, или дикой волчицы. В гимназии имя Сашки заменяется прозвищем: автор отмечает, что за привычку скалить зубы его звали волчонком (159). Перочинный нож, которым владеет Сашка, связан с волчьей символикой, так как ассоциируется с острыми зубами волка (см.: [Гура: 140–141]). Интересно, что события рассказа происходят на Рождество, а это, по народным поверьям, время волчьего разгула (см.: [Гура: 132]), завершающегося после Крещения.

Получив ангелочка, Сашка преобразуется, на минуту возникает «загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворенным рукой

неведомого художника личиком ангелочка» (165), однако тело Сашки съезживается: «съезжившись, как готовящаяся к прыжку пантера» (165). За несколько абзацев до введения этого сравнения автором описываются руки Сашки в момент получения ангелочка — они подобны лапам зверя из семейства кошачьих: «Обе руки Сашки, которыми он взял ангелочка, казались цепкими и напряженными, как две стальные пружины, но такими мягкими и осторожными, что ангелочек мог вообразить себя летящим по воздуху» (164).

Интересно, что зооморфные черты отца дважды, с разницей в одно предложение, вводятся видовой парой глаголов «ежиться-поежиться»: «поежился от холода отец», «отец сидел молча и ежился» (158) — и причастием «съезжившийся»: «съезжившийся от постоянного озноба» (159). Щенок-волчонок-еж-пантера — животные с острыми зубами или острыми иглами. Щенок — детеныш животных из отряда псовых, в том числе и волков. В русской культуре символика волка неоднозначна, тем не менее, начиная с колыбельных, у человека формируется образ волка-злодея: «Придет серенький волчок и ухватит (как вариант *утащит, укусит*) за бочок». Архетипичными являются реализуемые в рассказе представления о волке как о диком и прожорливом животном: накидываясь на людей, кусаясь, Сашка боится только одного — остаться голодным, если мать перестанет его кормить (157). Как известно, для отпугивания волка используется огонь, в контексте чего ярко горящая множественностью свечей елка кажется Сашке враждебной («елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной» (162)), поэтому он обращает внимание на ту часть рождественского дерева, которая расположена в тени. После эпизода, в котором описывается получение Сашкой ангелочка, зооморфные сравнения не используются (пока Сашка не вспоминает об отце, мысленно переносясь в пространство их жилища), что, безусловно, свидетельствует о начавшемся процессе преобразования «смятенной души».

Ангелочек скрывается на изнаночной стороне елки. Противопоставление «лицо-изнанка» включается в оппозицию «свой-чужой», являющуюся глубинным мировоззренческим

маркером социальных отношений. В рамках данной оппозиции организуется ономастикон рассказа. Неблагозвучное имя матери *Феоктиста Петровна* диссонирует с именами сына *Сашка* и мужа *Иван Саввич*. Неслучайно Л. Андреев вводит двухчастный антропоним *Феоктиста Петровна* и четырежды его повторяет в неизменном виде: *Феоктиста* от *Феоктист** рус. из греч. *theoktistos* 'созданный богами', *Петровна* от *Петр* из греч. *Petros* 'камень'³. Камень, созданный богами, — идол, требующий поклонения, в связи с чем предсказуемо ее желание поставить Сашку на колени, что и повторяется изо дня в день. Данный факт позволяет Л. Андрееву ввести в текст мифологический хронотоп, одной из особенностей которого является цикличность происходящего. Однако накануне Рождества циклический круг разрывается, выводя героя в иную действительность. Имя матери Сашки, соотносимое с мертвым камнем, вписывается в оппозицию «живой-мертвый», чему способствуют глагольные словосочетания с деструктивной семантикой, которыми сопровождается появление Феоктисты Петровны в рассказе: «била» скалкой (157), «замахнулась кулаком, но не ударила» (158), «плюнула и крикнула» (158), «ударяла кулаком по столу, на котором вымытые стаканы прыгали и звякали друг о друга» (159), «изобью я тебя, ох, как изобью» (159) — в связи с чем закономерным становится вопрос Сашки, обращенный к способной только к разрушению матери: «Пуговицы пришила? А то ведь я тебя знаю!» (160).

Для отца Сашки писатель выбирает двухчастный антропоним, созданный по традиционной русской модели имя + отчество, *Иван Саввич*, отсылающий нас к образу воронежского поэта Ивана Саввича Никитина (1824–1861). Полагаем, что это не совпадение, а намеренное введение Л. Андреевым прецедентного имени, что подтверждается некоторыми фактами. Л. Андреев, как и И. С. Никитин — уроженец чернозёмного края. Можно предположить, что в орловской гимназии, где в 1882–1891 гг. учился Леонид Андреев и директором которой был известный филолог И. М. Белоруссов, издававший свои труды в воронежских издательствах, вряд ли обходили стороной творчество

³ Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 222, 177.

И. С. Никитина. Интересен факт о выборе писателем псевдонима, о котором вспоминал его современник Николай Телешов: «"Андреев" — что такое Андреев?.. Даже запомнить нельзя. Совершенно безразличное имя, ничего не выражающее. "Л. Андреев" — вот так автор! — Но ведь есть же писатель Никитин, — возражали ему. — Все его знают, ни с кем не смешивают. Почему не быть теперь писателю Андрееву?»⁴ Отец И. С. Никитина являлся владельцем небольшого *свечного* завода и *свечной* лавки, что проецируется на текст андреевского рассказа, в котором ангелочек, изготовленный из воска, принадлежит *Свечниковым*. Отец главного героя, как и реальный *Иван Саввич* Никитин, болен туберкулезом. У обоих в жизни было большое чувство: И. С. Никитин был влюблен в дочь генерала Наталью Антоновну Матвееву, с которой познакомился в 1859 г. и вел переписку; когда в 1861 г. поэт заболел, Н. А. Матвеева хотела ухаживать за ним, но И. С. Никитин отказался, понимая, что визиты незамужней женщины из другого сословия могут навредить ее репутации. Мотив пьянства в рассказе, на наш взгляд, связан как с биографией самого Л. Андреева, так и с биографией И. С. Никитина: отец последнего начал пить, когда лишился *свечного* завода (отец Сашки запирает, лишившись расположения *Свечниковых*).

Имя главного героя *Александр*, употребляемое отцом только в пейоративной форме *Сашка*, восходит к греч. *Alexandros*: *alexo* 'защищать' + *aner, andros* 'муж(чина)'⁵. Однако в рассказе он не только не защищает, но и нападает на других. Видимо, в связи с этим происходит замена личного имени, данного при крещении, на прозвища *щенок* и *волчонок*, в основе которых лежат особенности поведения героя. Диминутив *Саша* (160) возникает в рассказе лишь однажды — в обращении к нему Софьи Дмитриевны Свечниковой, в дом которой на Рождество Сашка идти не хочет, так как обитатели дома, по его мнению, — «черти» и «антипы толсторожие» (158), что, впрочем, одно и то же: *антипка*, или *антип*, — это одно из народных названий

⁴ Леонид Андреев: жизнь Человека / сост. и авт. вступ. ст. Д. А. Алексеев, А. С. Никулин; АНО ДПО «ИПК ГС»; Фонд «Родное наследие». М.: Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2021. С. 37.

⁵ Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. С. 28.

черта, восходящее к апеллятиву *антихрист* и возникшее в результате табуирования лексемы *черт* (см.: [Шарапова: 31]). Однако, придя на елку, Сашка попадает в дом, наполненный символами Рождества.

Первоначально Сашка встречает детей, одного из которых зовут *Коля*. С одной стороны, *Коля* — это образ ангела («белые волосы, подрезанные на лбу и завитками спадавшие на плечи», «голубые удивленные глаза», «пухлые губы», «длинные ресницы» (160)), с другой, имя *Коля* — диминутивная форма имени *Николай*, прочно связанного в христианском сознании с образом Николая Чудотворца, а с *Николы Зимнего* начиналась череда предрождественских забот. Празднование Рождества у *Свечниковых*, фамилия которых, безусловно, тоже значима (рождественская *свеча*, озаряющая путь человека, связана с образом Христа), начинается, когда приходит старшая из сестер *Свечниковых*, с *ореолом* седых волос, и напоминает Сашке свое имя: «И ты уже не маленький и можешь звать меня по имени, *Марьей Дмитриевной*» (163). Дополняет транслируемый именем образ Богородицы ребенок — «маленькая девочка, та, что прыгала, утомленно повисла у нее на руке и тяжело моргала сонными глазками» (163). Неслучайно до появления *Марьи Дмитриевны* *Сашку-хищника* лысый господин, гость *Свечниковых*, спрашивает: «Что же, братец, в пастухи хочешь?» (161). Кажется бы, *Л. Андреев* изображает пространство, в котором может произойти чудо, в противоположность тому, где обитает Сашка с матерью-ведьмой и больным отцом, где он просыпается по утрам и умывается водой со льдинками, «в низеньком черном строении, стоявшем поперек улицы, на выезде» (157). Поэтому, забившись за рояль, Сашка «думал, что у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти» (162). Однако вся рождественская атрибутика представляется *Л. Андреевым* в переосмысленном виде: ребенок, повисший на руке *Марьи Дмитриевны*, далеко не младенец и не мальчик; сама *Марья Дмитриевна* не Дева Мария, поэтому носит имя в крестьянской огласовке, а с ее отчеством вводится в рассказ мифологема *Мать-сыра земля* (имя *Дмитрий* восходит к греч. *Demetrios*, относящийся к *Деметре*, богине

земледелия и плодородия⁶); Марья Дмитриевна лжет Сашке, что игрушка обещана Коле; мальчик Коля транслирует разговоры взрослых, из которых понятно, что Свечниковы нарушают завет Христа «Не судите, да не судимы будете», в связи с чем предсказуемо, что бывшая возлюбленная Ивана Саввича называет Сашку «дурной кровью» (161); ангелочек висит на изнаночной стороне елки и т. д. Если посмотреть на высказывания всей семьи Свечниковых о мальчике, то обнаруживаются исключительно негативные коннотации: «неблагодарный мальчик» (160), «Злой... Злой мальчик» (160), «нехорошо быть таким невежливым» (160), «это невежливо» (163), «Ах, какой ты глупый!» (164). Полагаем, что характеристика самой елки и всего, что на ней происходит, отражает нрав всей семьи Свечниковых, демонстрируя, что эти якобы добрые и милосердные люди, как кажется отцу Сашки, совершенно другие, не напрасно ассоциирующиеся в Сашкином сознании с чертями.

Открытие дверей в комнату, где стоит елка, вызывает восторг у детей, в отличие от Сашки, который «был угрюм и печален, — что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном сердце» (162): «*изъязвлять, изъязвить* — наносить много язв, изранивать»⁷. Л. Андреев представляет елку глазами Сашки: «Елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной» (162). Негативные эмоции вызывают воспоминания о перочинном ножичке, который сточился: «завтра он сломает ножичек, и тогда у него уже ничего не останется» (162). И в этот момент происходит чудо — в картине Сашкиного мира, в котором окружающие люди «точно неживые», появляется ангелочек, который «казался живым» (162). Сашка испытывает чувство умиления и благоговения, в связи с чем в его речи четырежды повторяется лексема *милый* (163). Примечательно, что в речи Сашки используется только диминутив *ангелочек* и лексема *штука* (163) в значении «искусно, хитро, мудроно

⁶ Суперанская А. В. Там же. С. 93.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. С. 39.

сдѣланная вещь»⁸, тогда как хозяйка дома ни разу не употребляет лексику *ангелочек*, а называет ангелочка «игрушкой», использует описательный оборот («я дам тебе, что ты просишь»), обозначает как «красивую вещь», заменяет слово указательным местоимением «это» («А *это* я обещала Коле отдать») (164).

Как только ангелочек оказывается у Сашки в руках, происходит чудо — превращение Сашки-волчонка в человека в результате обретения «человеческого счастья» (165). Но ощущение счастья длится только миг — вспомнив об отце, Сашка съеживается, как пантера (память об отце воскрешает в Сашке звериную телесность), и уходит из дома Свечниковых. Отметим, что, отправляя сына на елку, отец озвучивает пожелание: «Может быть, и мне что-нибудь с елки принесешь» (159). И Сашка, действительно, выполняет заказ отца, принося в дом ангелочка, а с ним что-то такое, что трудно обозначить словами, поэтому вызывает вопрос отца: «Зачем все это?» (167). Вводя в текст двусмысленную фразу: «И чудилось погибшему человеку, что он услышал жалеющий голос из того чудного мира, где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан» (166), — Л. Андреев объединяет в восприятии Ивана Саввича пространство дома Свечниковых и рая и отмечает, что «ангелочек спустился с неба, на котором была его душа, и внес луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в черную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь» (166). В данном контексте возникает оппозиция «жизнь-смерть»: зарождение Сашкиной жизни приводит к окончанию счастливой жизни отца, к его изгнанию из рая и дальнейшему падению, о чем свидетельствуют глаголы и причастие несовершенного вида, транслирующие цикличность событий в жизни отца: *опустился, поднимали, поднимаемого* (159, 166).

На протяжении всего рассказа автор активизирует оппозицию «правда-ложь» («настоящее-поддельное»). Существование Сашки, «то, что называется жизнью» (157), — это подобие, подделка, именно поэтому все, происходящее с ним, он заносит в черновик и изображает в виде карикатур. Встреча с ангелочком становится способом приобщиться к жизни, заменить

⁸ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. С. 646.

искусственное на истинное, подтверждением чему является упоминание, что личико ангелочка одухотворено «рукой неведомого художника» (165). Жизнь Сашки — это замкнутый круг, наполненный однообразными неприятными действиями: умывание холодной водой, хождение в гимназию, где постоянно ругают, боль во всем теле после того, как мать ставит его на колени. Такое существование воспринимается мальчиком, как бесконечное: «пройдет год, и еще год, и еще год, а он будет ходить в гимназию и стоять на коленках» (157). Шансом изменить судьбу становится Рождество, первое упоминание о котором в рассказе вводит конкретную временную точку отсчета в жизни мальчика: «перед Рождеством Сашку выгнали из гимназии», он не позволил матери бить его и «укусил ее за палец», «бросил умываться по утрам» и почувствовал свободу (157).

О том, что Рождество должно изменить Сашкину жизнь, сделав ее течение ощутимым, настоящим, свидетельствует меняющееся восприятие времени — оно становится более конкретным: сначала появляется указание на день недели — «пятница, накануне Рождества» (157), затем упоминается пограничное время суток между буднями и праздником — «полночь» (158). Время ускоряется, и об этом свидетельствует характеристика действия матери — «браниться было *некогда*» (158). Попав в дом к Свечниковым, Сашка, в месте обитания которого с матерью и отцом Рождество невозможно, со своим восприятием времени не вписывается в вечное время Рождества: дети находятся в ожидании чуда, знают, что оно случится, поэтому с восторгом смотрят на елку, а он «утрюм и печален», поскольку понимает, что впереди у него пустота: «завтра он сломает ножичек, и тогда у него уже ничего не останется» (162).

Ангелочек становится тем, что заполнит пустоту: «он увидел то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом было так *пусто*, точно окружающие люди неживые» (162). Встреча с ангелочком наполняет жизнь Сашки, придает ей ценность, о чем свидетельствуют такие характеристики времени, как «мгновенно», «короткий момент», «следующую минуту» (162, 165). Обладание ангелочком позволяет, выскочив из круга, приобщиться к вечности: «он *всегда* знал его и *всегда* любил» (162).

Получив ангелочка, становящегося для него символом Рождества и будущего спасения, Сашка приносит его в дом к своему отцу, для которого спасение уже невозможно, свидетельством чего становится разница в восприятии игрушки: для «погибшего» отца — она напоминание о мире, «где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан», поскольку потерял любовь, «сохранив ненужную жизнь», а для мальчика — путь в вечность, так как «исчезло настоящее и будущее», и надежда «тоскующей о Боге души» (166).

Вызванная любовью к отцу ложь мальчика о том, что ангелочка дала некогда любимая женщина, приводит к тому, что отец еще сильнее осознает трагедию своего падения и потерянной жизни. Вечность оказывается недостижима, знаком чего становится внезапно возникающий бой часов, символизирующих конечное, линейное время: «часы бойко и торопливо отчеканили: час, два, три» (167). Часы возвращают героя на землю, а их биологическое время начинает ускоряться: глядя на плачущего отца, Сашка впервые видит, что тот «старый»; при этом, говоря ему: «ну совсем как маленький» (167), — мальчик как будто стареет и сам.

Помимо изменения ощущения времени, меняется и ощущение пространства, которое в рассказе мифологизировано. Верх пространственной вертикали — это рай, из которого «изгнан» отец, и ангелочек, который «спустился с неба» (166). В нем постоянно подчеркивается неземное: благодаря крылышкам он невесом и находится в состоянии полета, «далек и непохож на все, что его здесь окружало» (163), дает чувство «неземной радости» и ощущение того, что случится то, что «никогда еще не происходило на печальной, грешной и страдающей земле» (165), его «невозможно» оставить на земле (165).

К срединному миру относится дом Свечниковых, символом которого становится рождественская ель со множеством свечей и дети, похожие на ангелов. В этом доме к Сашке приходит чувство Рождества, здесь живет женщина, которую любил отец, но при этом его нельзя ассоциировать с раем, поскольку люди, населяющие дом, не имеют души. Неслучайно хозяйка дома говорит «равнодушно» (163), тогда как Сашка обладает

«непокорной и смелой душой» (157). Лексема *душа* многократно используется при описании Сашки и его отца — в жилище, которое мальчик не воспринимает как дом, даже печка имеет *отдушину* (167).

В рассказе реализуется оппозиция «душа-тело»: обладающие звериной телесностью Сашка с «впалой грудью» (165) и его «узкогрудый» (158) отец имеют/имели душу и сердце, в отличие от матери, обладающей крепким телом — писателем настойчиво подчеркивается ее телесность: «толстая и низенькая женщина» (157), «белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота» (158), «здоровела по мере того, как пила, и кулаки ее все тяжелели» (159).

Жилище, в котором обитает семья Сашки, обладает чертами антидома. Он низкий, плохо освещен, несмотря на горящую печку и горячие полы, в нем холодно всем, кроме матери, он грязный, пахнущий чадом и водкой (с домом Свечниковых связан «неуловимый аромат» (166), который примешивался к запаху воскового ангелочка). Обитатели дома Сашки находятся в нижней точке пространства, обозначенной в рассказе как бездна: отец «опустился до такой степени, что его, пьяного, поднимали на улице и отвозили в участок» (159), мать — тоже опустившаяся женщина, вечно кричащая и бранящаяся, грязная и пахнущая водкой. Близок к падению и Сашка, поскольку выходом из его жизни может стать самоубийство. Если самоубийство произойдет, то у Сашкиной души, а это то, что не дает ему мириться со злом, окружающим его, не будет шанса на спасение. Падение в бездну окажется неизбежным, а верх пространственной вертикали — рай — недоступным. Кажется, что обретение ангелочка может удержать мальчика от падения в пропасть: когда Марья Дмитриевна, отчество которой указывает на место расположения дома Свечниковых на земле (см. выше), отказывается сразу же отдать ему игрушку, мальчик понимает, что «падает в пропасть» (163), чувство к ангелочку уничтожает «бездонную пропасть» (167) между отцом и сыном. Это ощущение оказывается иллюзией. После того, как бой часов возвращает отца и сына «на землю», скорость падения увеличивается. Символичным оказывается

единственный виденный в жизни Сашкой сон, в котором он лазил за голубями и *сорвался* (167). Учитывая, что в христианстве голубь является символом души и Святого Духа, сон мальчика можно рассматривать как знак невозможности избежать падения в бездну. Повесив ангелочка на отдушину печки, Сашка собирался любоваться им, но «заснул с такой быстротой, точно *пошел ко дну глубокой и быстрой реки*» (168).

В мире, где живет Сашка, восхождение оказывается невозможным. Рождественская ночь, стирающая границы пространства и времени, заканчивается. Ангелочек, повешенный у печки, повторяет рождественский путь Сашки и предсказывает дальнейшее развитие событий: «встрепенулся, словно для полета, и упал с мягким стуком на горячие плиты» (168). Ангелочек тает, в момент разрушения становясь органичной частью Сашкиного дома, что маркируется изменением запаха, исходящего от него. К нему уже не примешивается аромат женщины, которую любил отец. Он утрачивает характеристики «легкий» (неуловимый) и «приятный» и, смешавшись с запахом керосина, воспринимается, как «тяжелый запах топленого воска» (168). Тяжесть, как и неприятный запах, являются знаком Сашкиного дома-бездны: у отца *тяжелое* (158) дыхание, у матери *тяжелые* (159) кулаки; после того, как часы начинают бить, рука отца, лежащая на плече сына, становится *тяжелой* (167). По стрекозиным нежным крылышкам, к которым «было бы безумной жестокостью прикоснуться» (163), пробегает таракан-прусак (168) — жесткокрылые насекомое, утратившее способность летать и являющееся символом повседневного быта. Время снова становится цикличным: появляется водовоз — значит, снова Сашке придется умываться водой, «в которой плавают тоненькие пластинки льда» (157).

Как видим, небольшой рассказ Л. Андреева переполнен смыслами, прочитываемыми на уровне мифопоэтических оппозиций, в которые встраивается рождественский миф. Текст рассказа создавался довольно долго, так как писателю важно было передать то, что верно подмечено его современником А. Блоком, — утрату «чувства домашнего очага»⁹, которое особенно ощущалось

⁹ Блок А. А. Безвременье. 1. Очаг // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5: проза 1903–1917. С. 66.

во время Рождества, погружение людей в затхлый мещанский быт, в «паучье жильё»¹⁰, описанное в произведениях Ф. М. Достоевского. Поэтому на елке у Свечниковых «было положительно нехорошо. Была мисс, которая учила детей лицемерию, была красивая изолгавшаяся дама и бессмысленный лысый господин; словом, все было так, как водится во многих порядочных семьях, — просто, мирно и скверно»¹¹. Таким образом, один из главных вопросов, поставленных Л. Андреевым в рассказе «Ангелочек», — возможно ли чудо возрождения души через обретение человеческого счастья в современной писателю действительности? — имеет отрицательный ответ. Ребенок, традиционно являющийся символом будущего, в рассказе Л. Андреева этого будущего лишен, так как обретение Рождества Сашкой так и не состоялось. Взаимное отчуждение и озверение людей, утрата внутрисемейных отношений и ощущения домашнего очага, нивелирование связи между ребенком и матерью, подмена истинных чувств ложными представлениями, отсутствие надежд на возрождение и, как следствие, путь человека вниз, в бездну — основные характеристики мира, описанного Л. Андреевым в преддверии XX в. По мнению Т. Н. Козиной, «нота безмерного отчаянья звучит в рассказе "Ангелочек" Л. Н. Андреева, автор выражает в нем свой страх перед безумием мира» [Козина: 12]. В своей статье «Безвременье» А. Блок говорит о том, что красота рождественского праздника исчезает, так как в семьях господствуют скука и пошлость: «Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера — все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на вьюжную площадь»¹² (см. также: [Козина: 12]).

Анализ выявленных оппозиций, создающих мифопоэтическую основу рассказа, и выявление дополнительных сюжетобразующих смыслов в значении антропонимов, используемых в произведении, позволяют по-новому трактовать смысл текста. «Ангелочек», имея традиционную форму рождественского рассказа: действие происходит в канун Рождества; в мальчике,

¹⁰ Блок А. А. Безвременье. С. 68.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. С. 70.

попавшем в тяжелую жизненную ситуацию, через обладание ангелочком происходит духовное возрождение, которое он разделяет со своим отцом, и т. д. — по сути является пародией на него. Можно говорить о том, что перед нами сюжет об анти-Рождестве: Рождество, ангелочек, как символ рождественского чуда, возрождение души мальчика через покаяние, милосердие и сострадание к отцу и т. д. — все это оказывается иллюзией: ангелочек — не настоящий ангел, а всего лишь игрушка, дом Свечниковых — не место обитания девы Марии, а пространство бездушных и равнодушных людей, жилище мальчика — аналог бездны, и, поскольку ей противопоставлен иллюзорный рай и игрушечный ангел, погружение в нее неизбежно, святость Рождества перекрывается ужасами человеческого существования.

Список литературы

1. Барашкова С. Н., Желобцова С. Ф. Традиции «рождественской истории» в семантике сюжета рассказа Леонида Андреева «Ангелочек» // Казанская наука. 2021. № 1. С. 7–9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45156140_75740487.pdf (11.06.2023). EDN: GWCNSO
2. Борзова Н. А. Образы детей в произведениях Леонида Андреева // Известия Самар. науч. центра РАН. 2015. Т. 17. № 1–5. С. 1130–1132 [Электронный ресурс]. URL: http://ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_1130_1132.pdf (11.06.2023). EDN: VUTCdT
3. Голованова Н. Ю. Репрезентация образа главного героя в рассказе Л. Н. Андреева «Ангелочек» // Запад и Восток в диалоге культур: материалы XI Междунар. науч.-практ. и Всерос. научно-просветит. конф. с междунар. участием / под общ. ред. В. Б. Царьковой, Е. А. Поповой, А. А. Люлюшина, Е. Г. Труновой. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 143–147 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49877877_57063729.pdf (11.06.2023). EDN: ILPHCK
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
5. Душечкина Е. В., Баран Х. Настали вечера народного веселья... // Чудо рождественской ночи: святочные рассказы. СПб.: Худож. лит-ра, 1993. С. 3–32.
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
7. Ильин В. В. К юбилею писателя: философские уроки Леонида Андреева // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2. С. 69–84 [Электронный ресурс]. URL: http://libartrus.com/arch/files/2021/2/01_210572_

- lIn_v3_69-84.pdf (11.06.2023). DOI: 10.15643/libartrus-2021.2.1. EDN: KTYUHL
8. Кихней Л. Г., Ларина Н. А. Модель мира в рамках жанра святочного рассказа (на примере рассказа Леонида Андреева «Ангелочек» и Валерия Брюсова «Дитя и безумец») // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7. № 4а. С. 282–291 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-4/26-kikhnei-larina.pdf> (11.06.2023). EDN: XWACYР
 9. Козина Т. Н. Модификация рождественского архетипа. Тамбов: Консалтинговая комп. Юком, 2020. 100 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ukonf.com/doc/mon.2020.03.01.pdf> (11.06.2023). EDN: LBXVMA
 10. Маркова Е. Перерождение Сашки (по рассказу Л. Андреева «Ангелочек») // *Духовно-нравственное воспитание*. 2016. № 4. С. 49–53. EDN: WZQYСZ
 11. Нестерова Т. А. Каноны рождественской литературы в рассказе Л. Н. Андреева «Ангелочек» // *II Рождественские образовательные чтения «Традиции и новации: культура, общество, личность»*: межвуз. сб. науч.-методич. ст. / под ред. Е. В. Ракитиной. Ишим: Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2016. С. 172–175 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25746824_12096688.pdf (11.06.2023). EDN: VRKWER
 12. Садовников А. Г. Образная символика «пасхально-святочно-рождественских» текстов Л. Андреева // *Вестник Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н. А. Добролюбова*. 2016. № 33. С. 120–127 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25895987_16977364.pdf (11.06.2023). EDN: VURSSZ
 13. Трунцева Т. Н., Евсякова И. В. Лингвоконцептологический урок как форма развития индивидуальной картины мира школьника (в контексте изучения рассказа Л. Андреева «Ангелочек») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 209–213 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20172661/fulltext> (11.06.2023). EDN: ZMWOFV
 14. Шапарова Н. С. *Краткая энциклопедия славянской мифологии*. М.: АСТ, 2001. 624 с.
 15. Шарохина Н. Н. Рассказ Леонида Андреева «Ангелочек». VIII класс // *Литература в школе*. 2011. № 7. С. 26–30 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16444328_25335214.pdf (11.06.2023). EDN: NVWDHN

References

1. Barashkova S. N., Zhelobtsova S. F. Traditions of the “Christmas Story” in the Semantics of the Plot of Leonid Andreev’s Story “Angelochek”. In: *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 2021, no. 1, pp. 7–9. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45156140_75740487.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: GWCNSO (In Russ.)

2. Borzova N. A. Images of Children in the Works of Leonid Andreev. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 2015, vol. 17, no. 1–5, pp. 1130–1132. Available at: http://ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_1130_1132.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: VUTCDT (In Russ.)
3. Golovanova N. Yu. Representation of the Image of the Protagonist in Leonid Andreev's Story "Angelochek". In: *Zapad i Vostok v dialoge kul'tur: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii i Vserossiyskoy nauchno-prosvetitel'skoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [West and East in the Dialogue of Cultures: Materials of the 11th International Scientific and Practical Conference and the All-Russian Scientific and Educational Conference with International Participation]*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shanskiy Publ., 2022, pp. 143–147. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49877877_57063729.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: ILPHCK (In Russ.)
4. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy tradicii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]*. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russ.)
5. Dushechkina E. V., Baran H. The Evenings of Folk Fun Have Come... In: *Chudo rozhdestvenskoy nochi: svyatochnye rasskazy [The Miracle of Christmas Night: Christmas Stories]*. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993, pp. 3–32. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Paschality of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
7. Ilyin V. V. On the Anniversary of the Writer: Philosophical Lessons of Leonid Andreev. In: *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Liberal Arts in Russia]*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 69–84. Available at: http://libartus.com/arch/files/2021/2/01_210572_lilin_v3_69-84.pdf (accessed on June 11, 2023). DOI: 10.15643/libartus-2021.2.1. EDN: KTYYHL (In Russ.)
8. Kikhney L. G., Larina N. A. A Model of the World Within the Framework of the Genre of the Yuletide Story (on the Example of Leonid Andreev's Story "Angelochek" and Valery Bryusov's Story "Child and Madman"). In: *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 2017, vol. 7, no. 4a, pp. 282–291. Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-4/26-kikhnei-larina.pdf> (accessed on June 11, 2023). EDN: XWA-CYP (In Russ.)
9. Kozina T. N. *Modifikatsiya rozhdestvenskogo arhetipa [Modification of the Christmas Archetype]*. Tambov, Konsaltingovaya kompaniya Yukom Publ., 2020. 100 p. Available at: <https://ukonf.com/doc/mon.2020.03.01.pdf> (accessed on June 11, 2023). EDN: LBXVMA (In Russ.)
10. Markova E. The Rebirth of Sashka (According to Leonid Andreev's Story "Angelochek"). In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie [Spiritual and Moral Education]*, 2016, no. 4, pp. 49–53. EDN: WZQYCZ (In Russ.)

11. Nesterova T. A. The Canons of Christmas Literature in Leonid Andreev's Story "Angelochek". In: *II Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya "Traditsii i novacii: kul'tura, obshchestvo, lichnost": mezhvuzovskiy sbornik nauchno-metodicheskikh statey [2nd Christmas Educational Readings "Traditions and Innovations: Culture, Society, Personality": Interuniversity Collection of Scientific and Methodological Articles]*. Ishim, Publishing House of Ishim Pedagogical Institute named after P. P. Ershov (branch TSU), 2016, pp. 172–175. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25746824_12096688.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: VRKWEP (In Russ.)
12. Sadovnikov A. G. Figurative Symbolism of "Easter-Yuletide-Christmas" Texts by Leonid Andreev. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov]*, 2016, no. 33, pp. 120–127. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25895987_16977364.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: VURSSZ (In Russ.)
13. Truntseva T. N., Evsyakova I. V. Linguoconceptological Lesson as a Form of Development of an Individual Picture of the Student's World (in the Context of Studying Leonid Andreev's Story "Angelochek". In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 2017, no. 11 (77), issue 2, pp. 209–213. Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20172661/fulltext> (accessed on June 11, 2023). EDN: ZMWOFV (In Russ.)
14. Shaparova N. S. *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii [A Short Encyclopedia of Slavic Mythology]*. Moscow, AST Publ., 2001. 624 p. (In Russ.)
15. Sharokhina N. N. Leonid Andreev's Story "Angelochek". 8th Class. In: *Literatura v shkole [Literature at School]*, 2011, no. 7, pp. 26–30. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16444328_25335214.pdf (accessed on June 11, 2023). EDN: NVWDHN (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна, Svetlana A. Skuridina, PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University (ул. 20-летия Октября, 84, г. Воронеж, Российская Федерация, 394006); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>; e-mail: saskuridina@yandex.ru.

Кузьминых Елена Олеговна, Elena O. Kuzminykh, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University (ул. 20-летия Октября, 84, г. Воронеж, Российская Федерация, 394006); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>; e-mail: eleshka-82@yandex.ru.

Новикова Марина Владимировна, Marina V. Novikova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University (ул. 20-летия Октября, 84, г. Воронеж, Российская Федерация, 394006); ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3928-6593>; e-mail: vladimarina.novak@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.06.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2023

Принята к публикации / Accepted 20.07.2023

Дата публикации / Date of publication 12.09.2023